Ольга Фролова

Иноязычная терминология в повести А. С. Пушкина "Пиковая дама"

Studia Rossica Posnaniensia 32, 27-38

2005

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

MUZEUM HISTORII POLSKI

STUDIA ROSSICA POSNANIENSIA, vol. XXXII: 2005, pp. 27-38. ISBN 83-232-1609-6. ISSN 0081-6884.
Adam Mickiewicz University Press, Poznań

ИНОЯЗЫЧНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В ПОВЕСТИ А.С. ПУШКИНА *ПИКОВАЯ ДАМА*

FOREIGN TERMINOLOGY IN A.S. PUSHKIN'S *THE QUEEN OF SPADES* SHORT STORY

ОЛЬГА ФРОЛОВА

ABSTRACT. The art of playing cards in A. Pushkin's *The Queen of Spades*, abounding in French and German phrases, inspires to consider the problem of functioning of adequate terminology in Russian. In Pushkin's composition metalinguistic, semantic and discursive outlook of the phenomenon reveals the sense of a hidden death which executes the plan and its compositional course, established in the game. The paper refers to a well-known opinion by Yuri Lotman on a modeling function of a card game.

Ольга Фролова, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва – Россия.

Появление карточной терминологии в художественном тексте предусматривает прояснение трех сторон явления: экстралингвистической, семантической (а также лексикографической) и дискурсивной (текстовой).

Точная датировка проникновения карт и карточных игр в Россию для нас не столь интересна, сколь важна ситуация с картами в конце XVIII и первой трети XIX века, в эпоху, предшествующую написанию повести *Пиковая дама*. Можно говорить о трех типах карт, в зависимости от их функции: игральных, гадальных и учебных. На вторых были изображены не масти, а фразы о предполагаемом будущем человека, на третьих – фрагменты географических карт, алфавит и какие-либо картины, служащие предметом обучения. Существование специальных гадательных карт не препятствовало использованию игральных карт для гадания или раскладывания пасьянсов. В конце XVIII века уже существовало три вида игральных карт: колоды тарок (таро), немецкая и французская, которые различались количеством листов, составом фигур (старших карт с изображением людей) и обозначением мастей. В картах тарок масти обозначались шпагами (мечами), дубинками, монетами и чашами. Монеты и чащи были желтыми, шпаги – голубыми, а дубинки зелеными или коричневыми. В немецкой колоде на картах были изображены зеленые листы острием вверх, напоминающие лист сирени или смородины, коричневые желуди, желтые бубенцы в виде шариков и красные сердца. Во французской колоде были приняты два цвета мастей черная и красная. Черным цветом обозначались

пики – изображение копья, и трефы – трилистники, напоминающие клевер, а красным бубны – ромбы и червы – сердца. Именно французская колода с XIX века получила распространение в Европе[1]. Соответствия мастей по разным колодам отражены в таблице.

современное название масти / тип колоды	тарок	немецкая	французская
пики	шпаги	зеленый листок	копье
трефы	дубинки	желудь	трилистник
бубны	монеты	бубенец	ромб
черви / червы	чаши	сердце	сердце

Что касается карточной терминологии, названия мастей в русском языке отражают смену колод в российском обиходе. В.И. Чернышев полагал, что до французской в России появилась немецкая колода, проникшая через Чехию или, возможно, через Польшу[2]. Об этом свидетельствуют первый академический словарь – *Словарь Академии Российской*[3], отмечающий следующие существительные для обозначения мастей: *вины*, *жлуди*, *бубны* и *черви*. Термины *жлуди* (желуди), *бубны* (бубенцы, бубенчики) и *вины* отражают графические изображения мастей не на французских, а на немецких картах. М. Фасмер, толкуя слово *вины*, отмечает: „«пики в карточной игре», от *вино*, потому что эта карточная масть имеет изображение виноградной грозди"[4]. На немецкой колоде – подобие виноградного листа. В академический словарь первого и второго изданий не включено в словарь слово *трефы*.

Говоря о фигурах, отметим, что в немецкой колоде, распространенной в Чехии, не было старшей карты с изображением женщины в короне, вместо этого вслед за королем шли еще две мужские карты[5].

Из нескольких картежных традиций на рубеже XVIII–XIX веков русская культура „останавливается" на французской колоде с дамой и соответствующей карточной терминологией. *Словарь Академии российской по азбучному порядку расположенный* включает термины *туз*, *король*, *краля*, *холоп* и не фиксирует у слова *дама* значения *игральная карта*. Точно так же данный сло-

---

[1] Св. Жжина, *Жизнь в картах*. В: *„Пиковая дама". Карты в жизни. Жизнь в картах. Собрание Государственного Исторического музея*, Москва 2002, с. 59–75.

[2] В.И. Чернышев, *Терминология русских картежников и ее происхождение*. В: *Русская речь*, вып. II, Ленинград 1928, с. 45–68.

[3] См.: *Словарь Академии Российской в 6-ти тт.*, Санкт-Петербург 1789–1794; *Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный в 6-ти тт.*, Санкт-Петербург 1806–1822

[4] М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка в 4-х тт.*, т. 1, Москва 1986–1987, с. 318.

[5] В.И. Чернышев, указ. соч., с. 56.

варь не отмечает слова *валет*, давая слово славянского происхождения *холоп*. Практически синхронно публикации пушкинской повести отмечает у слова *дама* значение игральной карты словарь П.И. Соколова[6].

Академический словарь 1847 г. уже фиксирует и современные названия мастей *бубны*, *черви*, *трефы*, *пики* и названия старших карт *дама* и *валет*[7]. Однако интересны толкования: объясняя значения старых названий мастей, авторы описывают графический знак. *Вины* – „Масть в картах, означаемая пятном наподобие копьеца"[8]. Термин *пики* толкуется через слово, условно говоря, старого терминологического ряда „масть в карточной игре, вины"[9]. Такая же стратегия выбрана для толкования значения слова *жлуди*, т.к., по-видимому, уже устаревшее слово толкуется через лексему, актуальную в употреблении: „*Простон* – то же, что трефы"[10]. Кроме того, интересна стилистическая помета *простонародное*, свидетельствующая о том, что данное слово уходит из обихода образованных людей. Однако, в другом случае, объясняя значение еще одного термина, служащего в русском для обозначения трефовой масти, – *крести*, не представленного в словаре, и производного термина от этого слова названия карты трефовой масти – *крестовка,* включенного в словарь, авторы дают такое толкование: „карта жлудовой масти"[11].

В толкованиях значений старших карт авторы *Словаря церковнославянского и русского языка* также соотносят два терминологических ряда: *дама* – 'одна из игральных карт; краля'[12]; *валет* – 'игральная карта; хлап'[13]. *Краля* – 'игральная карта, на которой изображена женщина в короне, дама'[14]; *хлап* – 'карта, третья после туза, валет'[15]. В данном случае, видимо, можно сделать предположение о том, что считается устаревшим уже термин *краля*.

Различные карточные игры требовали профессионального языка. В конце XVIII – начале XIX века в России выпускаются руководства для игроков с объяснением правил и значений терминов[16], а также правила другого рода,

---

[6] (П.И. С о к о л о в), *Общий церковно-славянский-российский словарь... в 2-х тт.*, Санкт-Петербург 1834.

[7] *Словарь церковнославянского и русского языка*, сост. Вторым отд. Академии наук, т. 1–4, Санкт-Петербург 1847.

[8] Там же, т. 1, с. 127.

[9] Там же, т. 3, с. 218.

[10] Там же, т. 1, с. 413.

[11] Там же, т. 2, с. 220.

[12] Там же, т. 1, с. 307.

[13] Там же, с. 98.

[14] Там же, т. 2, с. 245.

[15] Там же, т. 4, с. 401.

[16] Э. Г о й л, *Новейший карточный игрок или краткое сочинение о игре висте*, Санкт-Петербург 1791; Г. К о м о в, *Описание картежных игр с показанием правил, помощию которых всякий сам собою и без учителя во все в России употребляемые картежные игры*

толкующие приемы карточной игры шулеров и способы разоблачить их[17]. Данная традиция продолжается и во второй половине XIX века[18]. Пособия описывали, как играть в коммерческие игры, т.к. только они были официально разрешены. Азартные игры, несмотря на популярность, официально не пропагандировались.

Те игры, в которых ставка чрез продолжение всех игор бывает одинакова, известны под именем степенных; или коммерческих игор, та же, в которых ставка на каждую игру переменяется, отважными или азартными именуются, и составляют запрещенные игры[19].

На рубеже веков в дворянские дома приглашали учителей по карточным играм. Подобный персонаж упоминается в комедии *Игрок*[20]. Теребидон говорит: „учу играть в банк, в кости, в квинтич, в макао и прочие игры"[21].

Соотнося материал толковых словарей, которые фиксируют новые лексические единицы с некоторым опозданием и пособия по карточным играм, можно говорить о том, что авторам официальных „учебников" были знакомы оба ряда наименований мастей и обозначений старших карт.

„Употребляемые в игре сей 36 карт суть четырех, а именно червонной, бубновой, жлудовой и винновой или пиковой мастей"[22]. Во втором томе того же издания при описании правил игры ламуш масти названы иначе: „червонная, бубновая, пиковая и трефовая"[23]. „Туз, король и валет, или туз, краля и валет или король, краля и валет и пять маленьких карт могут дать не оспоримые шесть взяток"[24]. „Дамы при валете и одной маленькой карте какой либо одной масти могут полагаемы быть также одною взяткою"[25]. „Валетов, дам и королей считают за 10"[26]. Иногда старое и новое наименование соседствуют в одной фразе: „Но есть ли на пример у предручнаго будет в одной масти кварт от туза, а в другой масти также кварт, но из карт меньшаго

может научиться играть правильно и искусно, ч. 1–2, Санкт-Петербург 1778–1789; *Новой и совершенной расчотистой картежной игрок*, ч. 1–2, Санкт-Петербург 1791; *Новейший русской карточный игрок*, ч. 1–2, Санкт-Петербург 1809.

[17] *Пагубные следствия игры банка или свет для помраченных страстию к фортуне, открытием плутовства банкеров игры в банк. С присовокуплением повестей и анекдотов о гибельных следствиях азартных игр*, Санкт-Петербург 1807.

[18] *О плутнях карточной игры. Изобличение их во всех подробностях*, авт. сост. Д. Зоркин, Санкт-Петербург 1860.

[19] Г. Комов, указ. соч., ч. 1, с. 7.

[20] *Игрок*, Санкт-Петербург 1815.

[21] Там же, с. 29.

[22] *Новейший русской карточный игрок*, указ. соч., ч. 1, с. 144.

[23] Там же, ч. 2, с. 21.

[24] Там же, ч. 1, с. 15–16.

[25] Там же, с. 16.

[26] Там же, ч. 2, с. 69.

достоинства состоящий; на прим. от *валета*, сверх того в других двух мастях по *хлапу* с меньшими картами; то при таком случае при четырех валетах надлежит основаться на меньшем кварте; а туза, короля и кралю снесть"[27]. Тем не менее, в официальных пособиях термины *краля* и *хлап* превалируют.

С другой стороны, пособия по предотвращению шулерства, изданные в то время, практически не употребляют терминов *краля* и *хлап*, а оперируют новой терминологией: „Ежели хочешь дублетов, то сложи четыре туза, четыре короля, четыре *дамы*, и так далее, смешай как нибудь и считай за верное, что в талии будет по крайней мере дуплета четыре или пять"[28].

Однако, видимо, в лексиконе представителей светского общества было еще больше карточной терминологии уже в конце XVIII в., о чем свидетельствует сатирическое письмо Н.И. Страхова, написанное от лица карточной игры и обращенное к моде:

Соника узнавши о прибытии вашем в здешний город, я за долг почла во-первых, препоручить себя высокому вашему *руте*, а во-вторых, всепокорнейшаго в том просить извинения, что я по причине ежедневно и еженощно отправляемых мною дел, не могла, да и теперь даже не в состоянии, точно засвидетельствовать вам глубочайшее мое почтение. Весь почти город имеет во мне нужду..., так что нет мне покою ни утром, ни после обеда, ни по вечеру, ни ночью. Едва успею я поутру отвязаться от тех игроков, которые проиграли всю ночь, как должна куда нибудь отправиться послед обеда, по том скакать на какую нибудь вечеринку игроков, а ночь паки проводить в тех учреждениях мною домах, куда съезжаются для испытания полунощнаго щастия все те, которым день не *рутировал*[29].

Термины *соника* и *руте* употребил и Пушкин в *Пиковой даме*. Более того, в письме Страхова присутствуют слова, значения которых не объясняли самоучители по карточным играм. Однако уже в конце XVIII в., говоря о мастях, Страхов употребляет прилагательные *трефовый* и *пиковый*.

С некоторой долей осторожности можно говорить о том, что применительно к специфической области функционирования русского языка – карточной терминологии – на рубеже XVIII–XIX вв. и в первой половине XIX в. в русском языке функционировала терминологическая система, допускающая синонимию. В обозначении мастей и старших карт соседствовали два терминологических ряда славянского происхождения (*жлуди*, *вины*, *краля*, *хлап*) и заимствованные (*пики*, *трефы*, *дама*, *валет*)[30]. Более того, и в начале XXI в.

---

[27] Там же, ч. 1, с. 128.

[28] *Пагубные следствия игры...*, указ. соч., с. 5.

[29] Н.И. Страхов, *Переписка моды, содержащая письма безруких мод, размышления неодушевленных нарядов, разговоры бессловесных чепцов, чувствования мебелей, карет, записных книжек, пуговиц и манек, кунташей, шлафоров, и телогрей и пр. Нравственное и критическое сочинение, в коем с истинной стороны открыты нравы, образ жизни и разныя смешения и важныя сцены моднаго века*, Москва 1791, с. 27–29.

[30] Там же, с. 16.

термины *хлап* и *краля* в соответствующих „карточных" значениях фиксируются словарем современного жаргона[31].

„старая" терминология	„новая" терминология
вины	пики
жлуди	трефы
бубны	бубны
черви	черви/червы
туз	туз
король	король
краля	дама
хлап	валет

Теперь обратимся к художественному тексту. Исходя из презумпции целостности художественного текста, которая проявляется на смысловом уровне, мы должны заключить, что в тексте нет места случайности.

Персонажи *Пиковой дамы* играют в фаро или фараон, принадлежащий к азартным играм, поэтому судить о правилах данной игры мы можем, главным образом, „в отраженном свете"[32].

Список терминов, употребленных в пушкинской повести, таков: *пиковая дама, мирандоль, руте, понтировать, соника, загнуть пароли, пароли-пе, ат?нде, фараон, вист, талья, банкомет, семпель, понтер, валет.* Все приведенные термины, как свидетельствуют данные толковых словарей, – заимствованные. Исключения – глаголы *метать, гнуть, убить. Вист* и *фараон* (фаро) – названия карточных игр. Ситуация с обозначениями мастей (*пики*) и старших карт (*дама, валет*), думается, ясна.

Значения части из них толкуется уже в *Новом словотолкователе, расположенном по алфавиту* Н. Яновского, что свидетельствует о том, что на рубеже XVIII–XIX в. эта лексика воспринималась как специальная и иноязычная[33]. Термины *понтер* и *банкомет* относятся к участникам игры. В начале XIX в., когда вышли тома данного словаря иностранных слов, еще не установилась карточная терминология. Яновский приводит термин *банкомет* в ином виде: „*банкир* – 2) Кто в карточной игре держит банк, который прочие игроки стараются сорвать"[34]. В издании *Пагубные следствия игры банка* употребляется термин *банкер*[35].

---

[31] В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, *Большой словарь русского жаргона*, Санкт-Петербург 2001; П.Я. Черных, *Историко-этимологический словарь современного русского языка в 2-х тт.*, Москва 1993.

[32] См.: *Пагубные следствия игры...*, указ. соч., с. 5.

[33] Н. Яновский, *Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту*, ч. 1–3, Санкт-Петербург 1803, 1804, 1806.

[34] Там же, ч. 1, стлб. 332–333.

[35] *Пагубные следствия игры...*, указ. соч.

Только в середине XIX в. словарь фиксирует их в „пушкинском" виде. *Банкомет* – 'В карточной игре: тот, кто мечет банк'[36]. Данное слово, производное от существительного *банк*, отмечено только в середине XIX в. между тем как производящее имя фиксируется уже в начале века вторым изданием Академического словаря: в качестве третьего значения 'род карточной игры'[37]. Также в середине XIX в. *Словарь церковнославянского и русского языка* вслед за Яновским толкует глагол *понтировать* и существительное *понтер*. Значение глагола объясняется следующим образом: 'играть в банк против банкомета'[38], а существительное *понтер* толкуется так: 'то же, что *понтировщик*,... играющий в банк против банкомета'[39]. Сравним: *понтировать* по Яновскому – „фр. слово, карточными игроками употребляемое, значит играть противу банкера в бассет или фаро"[40].

Термины *мирандоль, руте, соника, загнуть пароли, пароли-пе, ат?нде, талья, семпель* обозначают разные приемы игры в фараон, виды ставок и ход игры. Большинство терминов – *руте, соника, пароли, пароли-пе, ат?нде, талья, семпель* – заимствованы из французского языка.

Пароли – „слово, употребляющееся в карточной игре, каковы бассет, фараон и пр. значит в двое против того, что играно было в первый раз"[41]. Далее Яновский приводит пример: „загнуть пароли на короле, даме и пр."[42]. В том же значении данное слово приведено в французско-русском словаре И.И. Татищева первой трети XIX в.[43]. Словарь XX века толкует *пароли-пе* в словосочетании *загнуть пароли-пе* „дважды удвоить выигранную ставку"[44].

Соника – „Слово, в бассетной игре употребляемое, значит: тот час, вдруг, и говорится о первой карте, которая выиграла или проиграла"[45]. Как карточный термин данное слово вошло в вокабуляр словаря Татищева: *Sonica* „(в бассетной игре) первая карта, которая выиграет или проиграет соника. Il a gagné sonica, он на первой карте выиграл, он под обух выиграл, соника выиграл"[46]. Напомним, что уже в 1791 г. этот термин употребил Н. Страхов

---

[36] *Словарь церковнославянского и русского языка*, указ. соч., т. 1, с. 21.

[37] М. Ф а с м ер, указ. соч., т. 1, стлб. 97.

[38] *Словарь церковнославянского и русского языка*, указ. соч., т. 3, с. 340.

[39] Там же.

[40] Н. Я н о в с к и й, указ. соч., ч. 3, стлб. 393.

[41] Там же, стлб. 231.

[42] Там же.

[43] И. Т а т и щ е в, *Полный французско-российский словарь, сочиненный по пятому изданию словаря Академии французской в 4-х тт.*, т. 3, Санкт-Петербург 1824, стлб. 300.

[44] *Словарь современного русского литературного языка в 17-ти тт.*, т. 9, Москва–Ленинград 1948–1968, стлб. 215–216.

[45] Н. Я н о в с к и й, указ. соч., ч. 3, с. 706.

[46] И. Т а т и щ е в, указ. соч., т. 4, стлб. 624.

в цитировавшемся выше письме, рассчитывая на знакомство с ним читающей публики[47].

Талия – „1) В игре бассет или фаро: метанье карт каждый раз, когда банкер вес карты перекидает"[48]. В почти таком же виде толкование будет приведено в *Словаре церковнославянского и русского языка* 1847 г.: „2) В карточной банковой игре: последовательное перекидание банкометов карт до тех пор, пока или все карты выйдут, или сорван будет банк"[49].

Термин *руте*, отсутствует у Яновского, но отражен в словаре Татищева: в толковании глагола *router* есть пример „Les carts se routent", переведенный как „карты не перемешались, и все те же выходят"[50]. Словарь Д.Н. Ушакова толкует данное слово так: „В некоторых старых карточных играх – положение, когда много раз подряд выигрывает одна и та же карта"[51].

Слово *семпель* также было заимствовано из французского языка и означало простую ставку: с пометой *франц.* данное слово толкуется как „прямая ставка на карту, без углов (в банке)"[52]; „В некоторых карточных играх – простая полная ставка на карту"[53].

Две лексемы получают неоднозначное лексикографическое освещение: *ат?нде* и *мирандоль*.

Очевидно происхождение термина *атанде* из французского языка, восходящее к форме повелительного глагола *ждать* во множественном числе. *Энциклопедический словарь* Березина, в котором данный термин появился впервые, не проясняет картины, т.к. толкование предельно кратно: „употребляется в карточных играх в смысле: погоди"[54]. В.И. Даль дает такое толкование: „в роковых (азартных) играх: стой, постой, не мечи далее, я ставлю"[55]. Так же объясняет значение данного слова и 17-томный словарь русского языка: „термин карточной игры, означающий: «Погодите! Не мечете! Я ставлю»"[56]. Однако другое толкование дается у Ушакова: „Термин карточной игры в знач.: «не ставьте больше»"[57]. Слово *атанде* не представлено в *Словаре языка А.С. Пушкина*, но включено в дополнительный том в значении „по-

---

[47] См.: Н.И. Страхов, указ. соч.

[48] Н. Яновский, указ. соч., ч. 3, стлб. 791.

[49] *Словарь церковнославянского и русского языка*, указ. соч., т. 4, с. 289.

[50] И. Татищев, указ. соч., т. 4, с. 387.

[51] *Толковый словарь русского языка в 4-х тт.*, под ред. Д.Н. Ушакова, т. 4, Москва 1996, стлб. 1409.

[52] *Русский энциклопедический словарь*, т. 1–16, отд. IV, Санкт-Петербург 1873–1879, с. 588.

[53] *Толковый словарь русского языка...*, указ. соч., т. 13, стлб. 635.

[54] *Русский энциклопедический словарь*, указ. соч., отд. II, с. 370.

[55] В.И. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х тт.*, т. 1, Москва 1978–1980, с. 28.

[56] *Толковый словарь русского языка...*, указ. соч., т. 1, стлб. 215.

[57] Там же, стлб. 67.

годите, не ставьте больше"[58]. Ясно, что выявленные в лексикографических источниках значения противоречат друг другу, на что обратил внимание Г.Ф. Парчевский[59]. Казалось, можно было бы примирить противоречия в толкованиях, поскольку просьба подождать в речи банкомета означает, что он больше не принимает ставки, а в устах понтера, что он хочет сделать ставку. Однако обращение к пособиям против шулерства в картах разного времени толкуют слово *атанде* вполне однозначно как принадлежащее понтеру.

В игре в штосс и ей подобных, один есть его кажущийся антогонист; если нужно, он скажет *атанде*, если товарищ-банкомёт забыл число промётанных абцугов, он ловко напомнит, и многое тому подобное. Другой товарищ – его дольщик; он держит банк с ним пополам (у банкомёта для мётки несколько колод)...[60]

Фрагмент из раннего пособия более яркий:

Он сам хотел метать банк... показывает нарочно короля во второй карте, долженствующего выиграть соника, и спрашивает „Ну господа, готовы ли вы? Нет! Отвечают понтеры с жадностию «*атанде*!!»"[61].

Самая сложная лексикографическая ситуация со словом *мирандоль*: 17-томный *Словарь современного русского языка*, приводящий в толковании слов лексикографическую историю, на основании которой можно выяснить, когда то или иное слово впервые попало в толковые, двуязычные или энциклопедические словари, при данном слове такой истории не дает. Более того, двуязычные словари пушкинского времени не фиксируют такого слова. В его толковании есть разночтения: В.В. Виноградов в знаменитой статье 1936 г. *Стиль „Пиковой дамы"* объясняет значение слова *мирандоль* так: *играть мирандолем* – „играть одними и теми же кушами, не увеличивая ставки"[62]. В статье В.И. Чернышева „Темные слова в русском языке", на которую ссылается Виноградов, значение интересующего нас слова получает иное толкование: „Мирандолем играть — играть, ставя куш на две карты, при выигрыше идти углом", т.е. удваивать ставку[63]. *Словарь языка А.С. Пушкина* останавливается на толковании Виноградова. Но какое толкование верно, тем более, что ни один, ни другой авторы, написавшие свои статьи практически одновременно: работа Чернышева вышла в 1935, а статья Виноградова – в 1936 г., не привели источников, на которые они опирались. Контекст, на основании

---

[58] *Словарь языка Пушкина в 4-х тт.*, Москва 1956–1961; *Новые материалы к словарю А.С. Пушкина*, Москва 1982, с. 19.

[59] Г.Ф. Парчевский, *Карты и картежники*, Санкт-Петербург 1998, с. 171–176.

[60] *О плутнях карточной игры*, указ. соч., с. 14–15.

[61] *Пагубные следствия игры...*, указ. соч., с. 44.

[62] В.В. Виноградов, *Стиль „Пиковой дамы"*. В: *Избранные труды. О языке художественной прозы*, Москва 1980, с. 180.

[63] В.И. Чернышев, *Темные слова в русском языке*. В: *Избранные труды в 2-х тт.*, т. 1, Москва 1970, с. 312.

которого можно попытаться выяснить значение слова *мирандоль*, находим в книге Парчевского: он приводит фрагмент аутентичных воспоминаний, описывающий случай из жизни Л.Д. Измайлова.

Долго продолжалась игра, но Измайлов как будто не решался принять в ней участие. Только после ужина придвинулся он к столу и поставил на две карты 75 тыс. руб. Банкомет был бодрее и уже без робости метал карты. Обе карты выиграли Измайлову; он загнул их и сказал: „На следующую талию", Князь У*** стасовал карты и приготовился метать. Измайлов поставил две новые карты и, не взглянув на них, загнул каждую *мирандолем*. По второму абцугу он вскрыл одну карту, которая оказалась десяткою и уже выигравшею соника; он перегнул ее и, сказав: „По прокидке", вскрыл между тем другую карту, которая тоже оказалась десяткою и, следовательно, также выигравшею, он перегнул ее и положил на первую очень спокойно, как будто дело шло о десятке рублей, а не о Деднове, с которым он, в случае дальнейшего проигрыша, решился расстаться. У князя У*** заходили руки, но дело было нечего: карты поставлены *мирандолем* и отступиться не было возможности. После нескольких абцугов десятка опять выиграла; банкомет бросил карты и встал из-за стола, а Измайлов хладнокровно предложил загнуть еще *мирандоль*, но банкометы не согласились. „Ну, так мы квиты", – сказал Измайлов и тотчас уехал домой...[64]

Приведя довольно пространный фрагмент, поясним семантику слова *абцуг* – „в карточной игре в банк – каждая пара карт при метании направо или налево"[65].

Ясно, что речь не идет об игре, при которой ставка не увеличивается. Очевидно, что понтер ставил на две карты и удваивает ставку. В неявном лексикографическом споре Чернышева и Виноградова следует признать правоту первого. Однако его толкование требует дополнения: по приведенному фрагменту можно предположить, что при игре мирандолем обе карты, на которые делает ставку понтер, должны выиграть.

Обращение к иноязычной терминологии в повести Пушкина обусловлено природой конфликта. Посмотрим, какие единицы помещены в сильные позиции текста. В заглавие вынесено словосочетание *Пиковая дама* и в общем эпиграфе к повести фразы „*Пиковая дама* означает тайную недоброжелательность. Новейшая гадательная книга". Кроме того, в эпиграфе к шестой главе помещен диалог „– *Атанде*! – Как вы смели мне сказать *атанде*? – Ваше превосходительство, я сказал *атанде-с*!".

Эпиграф к шестой главе в понимании Даля (см. выше) оставляет шанс Германну, чтобы сделать правильную ставку. Анализ пушкинского текста позволяет охарактеризовать данный эпиграф именно как диалог понтера и банкомета, т.к. в игре фаро роль банкомета чрезвычайно значительна. Поэтому первая реплика принадлежит понтеру, а недоуменный вопрос банкомету.

Если анализировать расположение иных терминов, станет очевидно, что они, прежде всего, связаны с картами и распределяются в виде своеобразной

---

[64] *Словарь современного русского литературного языка в 20-ти тт.*, т. 1, Москва 1991, с. 84–85.

[65] В.В. Виноградов, указ. соч., т. 1, с. 33.

рамки: в первой главе – *мирандоль, руте, фараон, понтировать, соника; загнуть пароли, пароли-пе*; и в шестой – *фараон, вист, талья, банкомет, семпель, понтер, валет, понтировать.*

Карточные термины в первой главе могут быть интерпретированы как стратегии достижения быстрого или мгновенного счастья. И здесь одними из важнейших можно считать три термина: *мирандоль*, *руте* и *соника*. Данные термины, по нашему мнению, реализуют разные стратегии поведения в азартной игре. Ясно, что от толкования слов *мирандоль* и *атанде* зависит понимание смысла повести. Неслучайно появление термина *соника*, который сулит быстрый выигрыш или проигрыш уже на первой карте. Карточная терминология шестой главы повторяет, воплощает названное и намеченное в форме плана в первой главе.

Наконец, в финале шестой главы Чекалинский употребляет еще один термин по отношению к Германну.

– Туз выиграл! – сказал Германн и открыл свою карту.

– Дама ваша *убита*, – сказал ласково Чекалинский.

Глагол *убить* воспринимается как живая метафора. В конце XVIII в. и в первой трети XIX эта образность воспринималась не столь остро. Г.Ф. Парчевский собрал и привел в своей книге многочисленные примеры употребления глагола *убить* в мемуарах и в художественных текстах[66].

Л.Н. Толстой: „Долохов *убил*, то есть выиграл десять карт сряду у Ростова; ...мне только интересно знать, убьешь ты или дашь мне эту десятку"; А. Вельтман: „Г...ъ начинает метать... – *Убита*, – раздается в устах всех понтеров"; „Карта глупа, а не бивши, не *убьешь*".

В пособиях же по карточным играм различались термины *взять*, когда речь шла о взятках, и *убить*, когда участник игры выставлял против другого карту более высокого достоинства. В книге 1807 г. находим такой подзаголовок: „Средство *убивать* пароли французские"[67]. Подобные употребления присутствуют и в других пособиях. „Ежели вы в 9 и хотя весьма сильны на козырях, но примечаете, что товарищ ваш может *убить* козырем какую-нибудь из мастей ваших противников..."[68]; „...ежели вы примечаете некоторую вероятность, что которой-нибудь из ваших противников *убьет* ее козырем, тогда продолжайте играть с короля..."[69]; „Ежели ваш противник, который козырял к вам, положит такой козырь, котораго ваш товарищ, которого ваш товарищ *убить* не может; если нет у него самого хороших карт к игранью, он оборотит в ход вашего товарища, воображая, что та масть лежит между его товарищем и вашим..."[70].

---

[66] Г.Ф. Парчевский, указ. соч.

[67] *Пагубные следствия игры...*, указ. соч., с. 10.

[68] *Новейший русской карточный игрок*, указ. соч., с. 11.

[69] Там же, с. 19.

[70] Там же, с. 22.

Продолжению темы смерти в карточной терминологии, имевшей хождение в первой половине XIX в., может служить следующий фрагмент из пособия по карточным играм: „Кто проиграл все свои марки, тот называется *умер*, однако же к игре еще не лишается надежды, ибо может случиться, что к правому его соседу выпадает туз, и он получит один жетон, или за двойку два жетона. Кто *умрет*, тот не сдает карт в свою очередь, и перед него не вскрывает карты, до тех пор покамест он *оживет*"[71].

Термины в пушкинской повести образуют рамку, и их появление и группировку по главам можно интерпретировать как план и его реализацию, однако с переменой знака. Кроме того, карточные термины символизируют не только стратегию игры, но и стратегию риска, о чем свидетельствует термин *мирандоль*. Ю.М. Лотман писал о моделирующей функции карточной игры[72], у Пушкина присутствует отмеченная Лотманом черта: об этом свидетельствует начало шестой главы и эпилог повести, однако карточные термины в *Пиковой даме* можно также считать фундаментом композиции и смысла повести: в их значениях заключена тактика добывания быстрого успеха и стратегия риска.

---

[71] *Новой и совершенной расчотистой картежной игрок*, указ. соч., ч. 2, с. 194.

[72] Ю.М. Лотман, *„Пиковая дама" и тема карточной игры в русской литературе начала XIX века*. В: *Избранные труды в 3-х тт.*, т. 2, Таллин 1992, с. 389–415.